

Ариана Рос

НОВОЕ ТЕЛО
ДЛЯ
ПОПАДАНКИ

Ариана Рос

Новое тело для попаданки

<https://litres.ru/74227564>

Аннотация

БУКТРЕЙЛЕР

В прошлой жизни он даже не смотрел в её сторону. «Хирургия не для женщин» — эта фраза разбивала её сердце снова и снова.

Но после случайного выстрела Марьяна приходит в себя в другом мире. В теле красавицы. Без магии. С одним лишь даром — лечить руками.

Он тоже здесь. Тот же голос. Тот же ледяной взгляд. Он не узнаёт её.

Ей придётся заново доказывать, что она достойна стоять рядом. Скальпель к скальпелю. Тело к телу. И теперь, чтобы спасти мир от древнего зла, ей придётся пожертвовать собой и, возможно, навсегда исчезнуть из его жизни.

♥#

— Неплохо было бы надеть рубашку, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А что, отвлекает? — Роберт поднимает бровь и нависает надо мной, ставя руки на стеллаж по бокам от моей головы.

— Смущает, — честно признаюсь я, облизывая сухие губы.

— Хорошо, — он буквально пожирает меня взглядом.

♥#

Любимые герои и новые лица! Является продолжением книги: "Попаданка - (не) истинная для Зверя! А действие разворачивается в Академии стального Дракона! Но можно читать отдельно!

#попаданка #хирурги #академия #драконы #от ненависти до любви #учитель и ученица #фэнтези #истинная пара #хэппи энд!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	24
визуал	50
Том и Роберт визуал	51
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Пролог

Марьяна

Я бегу со всех ног. Проклятый автобус грозитя отъехать от остановки раньше времени. Раскалённый утренним солнцем пыльный воздух заполняет каждую мою альвеолу. Закашливаясь, влетаю в последние двери, подпирая своим телом теснящихся пассажиров. Пот струится по спине. Голова слегка кружится от неожиданного спринта за общественным транспортом и спёртой во всех смыслах автобусной атмосферы.

— Прикладываем карточки! Оплачиваем проезд! — неприятный голос раздается откуда-то из середины переполненного автобуса.

Ковыряюсь в сумочке, нахожу проездной прямо под мятым медицинским халатом.

«Опять как из задницы!» — проскальзывает ворчливая мысль в голове.

Ляжки начинает неприятно саднить — натёрла. Кажется, я с каждой минутой всё сильнее ненавижу своё тело. Непривычные для Петербурга жаркие июльские деньки не прибавляли любви к себе. Вечное ощущение духоты, постоянное потоотделение, рыжие веснушки и солнечные ожоги на бледной коже сопровождали меня ежегодно.

Мама говорила, что я похожа на одуванчик. Маленький,

упрямый, некрасивый. Только у одуванчиков есть пух, с помощью которого они разлетаются по миру. А у меня не было никого — ни братьев, ни сестёр, ни близких друзей. Только конспекты, пациенты и он. Роберт Сергеевич.

— Как жаль, что такая молодая девица и такая полная... — рядом на сиденьях громко перешёптывались две старушки, украдкой поглядывая в мою сторону, — Я бы на её месте эти рыжие патлы хоть в косу заплетала, жарко же...

Я измученно выдыхаю. Шансов ускользнуть от их пристального изучения меня, протиснувшись вглубь автобуса, нет никаких. Втыкаю наушники, пытаюсь не слушать унижительные пересуды двух божьих одуванчиков, и устремляю взгляд в окно на противоположной от них стороне.

Песня про разбитые блюдца и плачущую девочку вызывает волну жалости к себе, которая сменяется потоком самоуничтожения.

«Вот не поступишь в аспирантуру, курица, будешь хирургом в сельской поликлинике пахать и не увидишь своего Роберта больше!» — внутренний голос добавляет масла в огонь.

Я закусываю нижнюю губу. Мысль о том, что я могу потерять зыбкую нить общения с Робертом Сергеевичем, отравляет мне душу. Он — один из лучших хирургов в городе, учиться у него мечтают многие, но упрямец не берёт к себе девушек и тщедушных парней. Грёбанный сексист.

«Ну уж не хирургия тебя в нём привлекает, Марьянка, не

ври себе!»

Да... такие девушки, как я, его явно не интересуют. Я видела длинноногих напомаженных медсестёр с модельной внешностью с его отделения. Интересно, со сколькими он переспал? Фу! Говорят, он других на работу даже не рассматривает.

От мысли, что я никогда не впишусь в подобные стандарты, захотелось плакать. Нижняя губа предательски затряслась. Глаза затянуло водой.

«Лебедева! Хватит нюни распускать! Ты подготовила проект, внесла все правки, сейчас быстренько отстреляешься... получишь отказ и закроешь для себя эту дверь!» — пессимистичный настрой уже набрал обороты.

— Остановка «Петроградская улица», — громко объявила кондукторша.

Наконец-то моя!

Вываливаюсь из душного автобуса, размазывая предательски выкатившиеся слёзы по щекам.

До больницы, где работает мой «идол», осталось несколько десятков шагов. Ноги будто отказываются туда идти. Сердце сжимается, и в голове возникает мысль о прощании. Я ведь прекрасно понимаю, что сейчас получу очередной и, скорее всего, последний отказ быть моим руководителем. На этом всё закончится для меня. Возможно, навсегда.

В голове разворачивается картина, как я прыгаю с моста прямо в Неву.

«Дура какая! Тебе жить и жить ещё...» — диалог с самой собой всё никак не клеился.

А может, признаться ему? Что он мне нравится, что я влюблена, вдруг это чем-то поможет?

«Разве что развеселит его и заодно ещё медсестёр с отделения, вот смеху-то будет над толстой рыжей девкой!»

Сжимаю кулаки, злюсь сама на себя, отбивая каблуками по асфальту ритм ненависти к себе.

Входную дверь в больницу я толкаю с таким чувством, будто иду на эшафот. Сердце колотится где-то в горле, ладони взмокли, а в животе стая злых бабочек устроила рок-концерт.

— Лебедева, ты чего такая красная? — окликает меня охранница тётя Зина, жующая пирожок. — Роберт Сергеевич на месте, я видела, как он заходил. Опять со своим проектом припёрлась?

— Угу, — мычу я, проскальзывая мимо.

Она что-то говорит вслед, но я уже не слышу. Коридор больницы кажется бесконечным. Каждый шаг отдаётся эхом в пустом отделении — плановое проветривание, никого нет, только заведующий каждый день на работе.

Подхожу к его кабинету. Одёргиваю мятый халат, который дома казался почти приличным, а сейчас висит на мне мешком. Поправляю кудрявые всклокоченные пряди, прилипшие ко лбу. Бесполезно. Я знаю, как выгляжу.

— Роберт Сергеевич! — мой голос звучит бодрее, чем я

себя чувствую. — Я знаю, вы здесь! Можно войти?

Тишина. Потом усталое:

— Заходи.

Я вхожу и на долю секунды замираю.

Он сидит в своём кресле, такой... невозможный. Идеальные черты лица, лёгкая небритость, которая ему безумно идёт, удивительного оттенка платиновые волосы чуть расчёпаны. Проницательные тёмно-серые глаза, и взгляд, обманывающий своей добротой. Его идеально выглаженная бирюзовая хирургичка открывает раскаченные руки.

От потрясающего аромата кофе в его кабинете у меня подгибаются колени, или не от кофе...

Я запомнила этот запах навсегда. Даже потом, в другом мире, где не было ни кофе, ни больниц, я иногда просыпалась с этим вкусом на губах — горьковатым, обжигающим, его.

Соберись, дура!

— Роберт Сергеевич, я на минуту! — выпаливаю за чем-то, застывая в проёме двери, потому что ноги отказываются идти дальше. — Я только спросить... Вы смотрели мой проект? Ну тот, по мини-инвазивным методикам? Я на почту вам отправила вчера... Я... Я там переделала третий раздел, как вы советовали... — звуки, которые я издаю, больше напоминают лепетание.

Смотрю на него и вижу, как на его лице появляется то самое выражение. Снисходительное. *Осточертевшее.*

— Лебедева, — начинает он, и это уже звучит как приговор. — Сколько ещё раз повторять?

— Я помню, — вздёргиваю подбородок, пытаюсь сохранить достоинство и самообладание, хотя внутри всё дрожит. — «Хирургия не для женщин, идите рожайте»... Но я хочу работать! С вами!

Делаю несколько шагов вглубь кабинета. Теперь нас разделяет только стол.

Он вздыхает. Этот вздох режет по живому.

— Я подумаю.

И отворачивается к окну.

Всё. Конец.

Я стою, сжимая ручку сумочки так, что костяшки белеют. Хочется топнуть ногой, закричать, разрыдаться. Но я только молча разворачиваюсь, собираюсь покинуть кабинет ни с чем.

Как-то всё нелепо...

В коридоре раздаются быстро приближающиеся шаги. Тяжёлые. Злые.

Я не успеваю сдвинуться с места, как дверь резко распадается настежь. В проёме вырастает мужчина. Небритый, с красными безумными глазами. От него разит перегаром и потом.

От его появления я невольно вжимаюсь в угол стола. Он даже не смотрит на меня. Он смотрит на Роберта.

— Где Добровольский? — рявкает мужчина.

Я вижу, как Роберт Сергеевич медленно ставит чашку с кофе. Вижу, как напрягается его нижняя челюсть. Как спокойно, даже слишком спокойно он отвечает:

— Добровольского здесь нет. Отделение закрыто.

Его голос звучит непривычно.

— Врёшь!

Мужчина шагает в кабинет. Я неуклюже прижимаюсь к столу, словно пытаюсь стать невидимкой. *Уйти, надо уйти!* — но ноги отчего-то не слушаются.

— Я знаю, он здесь! Он всегда здесь торчит! Скажи ему, пусть придёт!

Роберт Сергеевич смотрит на меня. Всего на миг. В глазах — приказ: *УХОДИ*. Чёткий, как разрез от его скальпеля.

Но я не могу. Я просто не могу пошевелиться.

Мужчина дёргает плечом, и спортивная сумка падает на пол с глухим стуком. А в руках у него...

О Боже!!! Ружьё.

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать. В голове шумит. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно во всей больнице.

— Я не вру, — голос Роберта звучит всё так же спокойно, будто он не с ружьём разговаривает, а на консилиуме обсуждает пациента. — И даже если бы Добровольский был здесь, я бы не стал его звать. Объясните, что случилось.

— Он мою жену угробил!

Голос мужчины срывается. Я словно в замедленном кино

вижу, как трясутся его руки и как палец ложится на курок.

— Операция была пустяковая, а она не очнулась! Он сказал — осложнение! Какое, нахрен, осложнение?! Она здоровая была!

Роберт Сергеевич говорит что-то про четвёртую стадию, про то, что ничего нельзя было сделать. Я почти не слышу слов. В висках бешено стучит пульс.

— Добровольского здесь и правда нет. Положите ружьё, давайте всё обсудим.

— Обсудим?!

— Я с тобой ничего обсуждать не буду! Ты его не зовёшь, значит, сам виноват!

Щелчок взводимого курка — самый страшный звук в моей жизни. Внутри меня всё обрывается.

Неужели именно сейчас наступит несчастливый финал?

Роберт Сергеевич переводит взгляд со стрелка на меня. На этот раз его глаза не приказывают. В них вспышка ужаса. Не за себя. За меня.

— ЛЕБЕДЕВА! НАЗАД! — рывкает он так, что стёкла звенят.

В ту же секунду Роберт резко подпрыгивает со своего места и с какой-то невыносимой скоростью хватается за плечо, отталкивая с такой силой, что я падаю вниз сбоку от стола.

Резко. Выстрел. Грохот. И следом — мой собственный крик: «НЕТ!», разрывающий горло.

Роберт Сергеевич отлетает к окну, на его груди в момент

расплывается алое пятно. Он сползает по стене.

Я, не помня себя от ужаса, оказываюсь рядом. В одно мгновение я уже на коленях, зажимаю зияющую рану, из которой хлещет кровь. Горячая, липкая, скользкая — она пропитывает его рубашку, сочится потоком сквозь пальцы, заливая пол.

— Нет-нет-нет! — бормочу я, не понимая, что делаю. — Роберт Сергеевич, пожалуйста, не надо...

Я забываю про убийцу, всё ещё стоящего за моей спиной в кабинете. Мне плевать на мою безопасность и жизнь. Весь мой мир сужается до одной точки.

Не умирай. Только не умирай. Я же... я же...

— Вы же даже не знаете, как я вас... — слёзы душат, слова застревают в горле.

Он смотрит на меня. Его глаза — такие ясные, такие невозможные. И в них нет боли. Только... только что-то тёплое?

Второй выстрел за спиной. Грохот упавшего тела. Я даже не оборачиваюсь. Мне всё равно.

— Держитесь, — шепчу я, размазывая по лицу его кровь и свои слёзы. — Держитесь, сейчас я кого-нибудь позову... — хотя понимаю, что это бесполезно. Я видела такие раны. Я знаю, что это конец.

И вдруг — гул.

Низкий, вибрирующий, от которого закладывает уши. Он идёт отовсюду. И свет. Изумрудный, слепящий, заливающий

всё вокруг.

Я поднимаю голову и вижу, как над нами вместо белого потолка разверзается воронка. Она засасывает бумаги, осколки стекла, пыль. Она пульсирует, дышит, живёт.

— Что... что это? — выдыхаю я одними губами.

Воронка дёргается. И Роберта начинает поднимать в воздух. Его тело отрывается от пола, плывёт вверх, прямо в изумрудное сияние.

Это какая-то галлюцинация на фоне стресса!

— НЕТ!

Я вцепляюсь в его руку. Мёртвой хваткой. Изо всех сил.

— Вы меня не бросите!

Меня отрывает от пола вместе с ним. Закручивает. Ударяет о стену. Тащит.

А потом меня накрывает странное, ни на что не похожее чувство. Словно кто-то невидимый, заботливый поправляет мне прядь волос, упавшую на лицо, и шепчет: *“Ты справишься, касатка. Ты теперь сильная”*.

Но я не понимаю этих слов. Я вообще уже ничего не понимаю.

Боль. Темнота. И только мысль, пульсирующая в голове: *Я держу его. Я не отпущу...*

Роберт

Марьяна Лебедева

Глава 1

Я прихожу в себя медленно, рывками, словно выныриваю из густого сиропа. Собственный голос звучит в голове, и я не сразу понимаю, что это мой. Я зову *его*.

— Роберт Сергеевич... Роберт...

Открываю глаза и какое-то время не могу пошевелиться. Мозг отказывается осознавать и обрабатывать картинку, которая открывается передо мной. Я лежу на мокром песке, почти у кромки воды, и холодные волны лижут мои босые ступни. Ветер с океана обдувает мокрую одежду. Что за бред? Я сплю?

Роберт! Его ведь убили! Господи!

Резко поднимаюсь на руках, пытаюсь оторвать тело от топкого берега. Ладони проваливаются в песок. Сажусь на колени. Судорожно озираюсь. Вокруг бесконечная песчаная коса, впереди океан, сзади лес и скалы. Меня начинает бить крупной дрожью.

Одежда на мне не моя — какое-то длинное белое платье всё в мокром песке. К лицу прилипли светлые волосы. Не мои. Начинаю хватать необычно длинные пряди, всматриваясь в них — почти белые! О, а пальцы! Худые длинные пальцы!

Что со мной такое?

Я словно нахожусь в чужом теле! Меня убили? Нет, не мо-

жет быть — последнее, что я помню, это как убийца выстрелил в самого себя. А может, он стрелял в меня? Нет, не было этого... Роберт, где же Роберт?

Я сижу в мокром песке и рассматриваю свои руки. Длинные, тонкие, изящные дрожащие пальцы. Не мои. Совсем не мои.

— Роберт... — шепчу я в пустоту.

Ответа нет. Только шум волн.

Я пытаюсь встать — ноги подкашиваются. Тело слушается плохо, будто я заново учусь им управлять. Оно какое-то лёгкое. Непривычно лёгкое. И холодное — мокрая ткань противно липнет к коже.

— Жива, касатка? — раздаётся протяжный скрипучий голос откуда-то сбоку.

Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь.

В двух шагах от меня, откуда ни возьмись, появляется старуха. Маленькая, сгорбленная, в тёмном плаще с капюшом, из-под которого виднеются седые космы до пояса — лица не видно. Она опирается на корявый посох и обращается явно ко мне... странно.

— Я... — голос из моего горла звучит необычно, словно чужой. — Кто...? Где я?

— Вопросы, вопросы, — старуха усмехается. — Ты сначала на себя посмотри.

Она кивает в сторону лужи между камнями. Я подползаю на коленях, заглядываю...

— А-а-а! — крик вырывается сам.

Из воды на меня смотрит другая девушка. Чужая. Идеальное лицо, точеные скулы, огромные глаза, пухлые губы. И волосы — длинные, почти белые.

— Кто это?! — я отшатываюсь, пытаюсь спрятаться от отражения, и невольно накрываю лицо ладонями. — Это не я!

Ощущение, будто я только что заглянула в глаза призраку. Нет, хуже. Будто призрак — это я сама. Марьяны Лебедевой больше нет. Есть это лицо. Этот чужой рот, который кричит моим голосом. Эти чужие слёзы, которые катятся по чужим щекам. Я отнимаю ладони от лица и смотрю снова. Кошмар на месте. Я — это она.

— Теперь ты, — спокойно говорит старуха. — Тело теперь твоё. Та, кому оно принадлежало, ушла.

— Что значит «ушла»? Куда ушла? — я смотрю на неё, не понимая. — Я Марьяна Лебедева, я из Петербурга, я...

— Здесь нет никакого Петербурга, — перебивает старуха. — Ты в Интеррии, иномирянка.

Ветер бросает в лицо солёные брызги волн. Я зажмуриваюсь. Не дышу. Пусть всё исчезнет!

Открываю глаза — ничего не изменилось. Я ошупываю своё тело. Оно худое и очень тонкое, даже изящное — ни живота, аккуратная грудь, бёдра. Всё это не моё!

— Этого не может быть, — шепчу я. — Это сон. Где все...

— Можешь себя успокаивать, — старуха пожимает плечами. — Только легче не станет. Я видела, как тебя перебро-

сила межмировая воронка. Ты здесь, в нашем мире. Одна.

Последнее слово врывается в грудь осколком.

— Одна? — переспрашиваю я глухо. — Но... там был ещё человек. Роберт. Нас должно было затянуть вместе. Я держала его за руку. Он тоже должен быть где-то здесь!

Старуха откидывает капюшон, открывая сухое морщинистое лицо. Она смотрит на меня почти прозрачным долгим взглядом. Очень долгим. И в этом взгляде — что-то, от чего у меня холодеет внутри.

— Девочка, — говорит она тихо. — Ты держала его за руку. Но выбросило на этот берег только тебя.

— Что? — я не понимаю. Не хочу понимать.

— Я вижу твою ауру, — старуха качает головой. — Ты одна прошла через разрыв. Второго нет.

— Нет! — я вскакиваю, ноги дрожат, но я держусь. — Вы ошибаетесь! Он был ранен, но он жив! Он должен быть жив! — слёзы градом льются из моих глаз.

— Девочка, — голос старухи становится мягче, и это страшнее любого крика. — Послушай меня. Ты говоришь, он был ранен. Тяжело?

Я вспоминаю. Дыра в груди. Горячая кровь, хлещущая сквозь пальцы. Его глаза, такие ясные, но...

Боже.

— Очень тяжело, — выдавливаю я сквозь рыдание.

— В нашем мире есть магия, — старуха вздыхает. — Она может творить чудеса. Но твой друг... он ведь не из этого

мира? У него нет магии?

Я качаю головой. Слёзы текут по щекам, горячие, солёные. Какая, нафиг, магия?!

— Тогда прости, касатка. Без магии здесь не выживают. Она не говорит это прямо. Но я слышу. Он мёртв.

Ноги подкашиваются. Я оседаю на песок. Мир вокруг перестаёт существовать. Сердце мечется в груди раненой птицей. В ушах шумит, к горлу резко подкатывает тошнота. Меня выворачивает наизнанку солёной водой, снова и снова, пока внутри не остаётся ничего, кроме пустоты.

— Нет... нет-нет-нет... — бормочу я, хватая ртом воздух. — Не-е-ет... — зажимаю рот рукой, чтобы не завывать в голос.

Роберт. Мой Роберт. Единственный, ради кого я вставала по утрам. Ради кого терпела эти дурацкие отказы, эти вздохи, это «хирургия не для женщин». Ради кого разрабатывала эти проклятые мини-инвазивные методики.

Я даже не сказала ему. Я так и не сказала.

— Вы же даже не знаете... — шепчу я в пустоту, и эти слова теперь звучат как прощание.

Боль от потери перекрывает все остальные чувства. Мне плевать, что я в другом мире, что здесь какая-то магия, плевать на эту старуху, плевать на себя!

Старуха молчит. Даёт мне время.

Я не знаю, сколько проходит. Минута? Час? Я сижу на песке, сжимаю колени руками и смотрю в одну точку. Внутри — вакуум, пустота.

— Я просто хотела... — говорю я, и мой голос хриплый, чужой. — Просто хотела быть рядом с ним. Учиться у него. Смотреть на него. Дышать с ним одним воздухом. Я даже не просила многого...

— Иногда просить не надо, — тихо усмехается старуха беззубым ртом.

Поднимаю на неё глаза, полные слёз.

— Я не понимаю! Что всё это значит?!

— Это значит, что тебе нужно жить дальше, — жёстко говорит она. — Выживать. А там — увидишь. Судьба — она хитрая штука.

— За что?! За что мне это?! Я ничего плохого не сделала!
ПОЧЕМУ?!

Моё сознание накрывает истерикой. Горло сдавливают свинцовым кольцом, а из груди рвётся болезненный рёв.

Старуха молчит. Просто стоит рядом и смотрит. Потом подходит и кладёт сухую, морщинистую ладонь мне на голову.

— Тш-ш-ш, — шепчет она. — Тш-ш-ш, касатка.

И вдруг я чувствую странное тепло. Оно разливается от её руки по всему телу, успокаивая, притупляя боль, словно анестетик. Крик невольно застревает в горле, слёзы всё ещё текут, но уже не так отчаянно. Я просто сижу на коленях и мелко дрожу.

— Душа моей дочери покинула тело ещё там, в океане, — говорит старуха, и её голос звучит глухо, словно доносится из

глубокого колодца. — Я видела это — она ушла в межмирье, истаяла, как туман. А ты... ты вошла в пустую оболочку и заставила сердце биться снова. Поэтому ты здесь. Поэтому ты жива.

Я поднимаю на неё глаза. Дочь. Это тело принадлежало её дочери.

— Простите... — шепчу я.

— Не за что прощать, — она качает головой. — Она ушла. Ты пришла. Теперь ты — это ты.

— Пойдём, — говорит старуха после долгой паузы. — Здесь нельзя оставаться. Пойдём ко мне.

Она помогает мне подняться. Я еле переставляю ноги, будто безвольная кукла. Мы идём в лес, по узкой тропинке, мимо корявых деревьев, которые ветками больно цепляются за мою кожу — я машинально отмахиваюсь и даже не замечаю дороги. В голове — туман.

Хижина появляется внезапно. Маленькая, старая, покосившаяся. Мы заходим. Внутри пахнет травами и теплом. Старуха молча укладывает меня на деревянную лежанку, укрывает шерстяным одеялом. Я подчиняюсь, ничего не чувствуя внутри себя.

— Выпей, — она подносит к моим губам глиняную кружку с мутной жидкостью.

— Что это?

— Пей. Легче станет.

Я послушно глотаю. Отравит? Плевать! Тёплая жидкость

обжигает горло, оставляет горьковато-травяное послевкусие.

И тут из меня, наконец, вырывается всё. Не крик — глухой, утробный вой, который я душила в себе с того самого момента, как открыла глаза на берегу. Я вою, уткнувшись лицом в колючее одеяло, пахнущее дымом и травами. Вою по Роберту, который, возможно, уже мёртв. По маме, которую похоронила десять лет назад. По себе — той, рыжей, нескладной, но живой. Настоящей. Я оплакиваю Марьяну Лебедеву, потому что больше никто этого не сделает.

Ведущая не мешает. Просто сидит рядом, положив сухую ладонь мне на голову, и ждёт. И в этом молчании больше сострадания, чем в любых словах.

Веки тяжелеют. Я ещё пытаюсь что-то сказать, спросить, но сон наваливается камнем и утягивает в темноту.

Глава 2

Марьяна

Просыпаюсь от того, что кто-то трясёт меня за плечо. Резко сажусь, хватая ртом воздух. Во рту пересохло так, что язык скрежещет по зубам. Вокруг не больничная палата и не моя комната в общежитии, а тесная хижина, залитая утренним светом. Пахнет травами, сушёными грибами и дымом. Я с трудом фокусируюсь на реальности. Где я? Наяву или во сне?

Но тут воспоминания, словно гадюка, вползают в мою голову: убийство Роберта, берег океана, старуха, новое тело... Я хватаюсь за лицо.

— Ну, выспалась, касатка? — скрипучий голос раздаётся возле меня.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Старуха сидит на табурете у моего изголовья. Теперь, при свете дня, я могу рассмотреть её лицо — глубокие морщины, седые волосы, собранные в пучок на затылке, и глаза. Удивительные глаза — молодые, острые, цепкие. Такими глазами смотрят люди, которые видели слишком много, чтобы чему-то удивляться.

— Бабушка, сколько я спала? — мой голос звучит сипло, чужо. Я пугаюсь, когда слышу себя.

— Моё имя — Веда, ведущая, — со вздохом говорит старуха, — Спала ты всю ночь и половину утра. Пора вста-

вать. Дело есть.

Ведущая поднимается и идёт к очагу, где уже булькает что-то в глиняном горшке. Она переставляет горшок на стол.

Я сажусь, свешиваю ноги с лежанки и смотрю на свои руки. Не мои руки. Ничего моего в этом теле нет. Провожу рукой по длинным светлым шелковистым волосам. Осматриваю худые лодыжки и маленькие изящные ступни.

— Ведущая... — повторяю я имя старухи, — Скажите... это тело... оно чьё?

Ведущая замирает. Медленно поворачивается. В её глазах отражается боль. Такая старая, вьёвшаяся, что кажется частью лица.

— Моей дочери, — говорит она глухо, а по морщинистой щеке сползает слеза, — Адель. Её больше нет.

У меня перехватывает дыхание. Адель. Теперь я знаю её имя. Имя женщины, которая когда-то смотрела в это зеркало, касалась этих волос, улыбалась этой улыбкой. Что она чувствовала? О чём мечтала? Ведущая не говорит, за что её дочь могли невзлюбить, но я чувствую — за этим молчанием стоит что-то тяжёлое. И теперь это бремя — нести её облик, не зная её грехов.

— Я... простите. Я не хотела...

— Встань, — говорит она тихо, — Подойди к зеркалу.

Я сползаю с лежанки, ноги дрожат, но держат. Подхожу к маленькому мутному зеркалу, пристроенному на подоконнике. Смотрю...

В горле застревает ком, сердце начинает бешено колотиться в груди. Из зеркала на меня смотрит другая девушка.

Тонкое, почти прозрачное лицо, точеные скулы, огромные серые глаза в обрамлении светлых, пушистых ресниц. Губы — пухлые, насыщенно-розовые, чуть приоткрытые в испуге. И волосы — длинные, тяжёлые, настоящий блонд, рассыпавшиеся по плечам.

Я подношу руку к лицу. Девушка в зеркале делает то же самое. Длинные, изящные пальцы касаются щеки — и под ними не моя рыхлая веснушчатая кожа, а гладкий, тонкий фарфор.

— Ты не виновата, — говорит старуха, — Она уже была мертва, когда ты вошла в это тело. Душа ушла. Осталась только оболочка.

Веда подходит ближе. Берёт мои руки — чужие руки — в свои, морщинистые, тёплые.

— Слушай меня, касатка. Времени мало, а сказать надо много.

Я киваю, не смея выдернуть руки у этой настрадавшейся старушки.

— Та тварь, что забрала мою девочку и подвела её на смерть, его зовут Безликий. Это древний дух из межмирья. Он кочует по мирам, высасывает магию, подстраивает миры под себя. Ему нужны тела — сильные, с мощной кровью. Он уже уничтожил одну женщину много лет назад, разрушил изнутри. А потом на долгие годы затаился, — продолжает

Ведущая, и её голос становится глуше. — Я уж думала, он сгинул. Но нет — выждал, набрался сил и нашёл новую жертву. Мою Адель. Она была ослаблена безответной любовью, он сломал мою дочь. Теперь злой дух снова здесь, добивается своего.

— Здесь? — по спине бегут мурашки, — Он рядом?

— Пока нет. Но он близко. Я чувствую, — Ведущая сжимает мои пальцы. — Тот пространственный разлом, через который ты перешла сюда... он не закроется сам. Безликий будет вытягивать с помощью него магию из этого мира, пока мир не обессилит. А потом злой дух найдёт себе новое тело, чтобы править Интеррией.

— Зачем вы мне это говорите? — шепчу я, холодея внутри.

— У меня оставаться опасно, — продолжает старуха, — Ты пойдёшь в Академию магии. Это на севере, по лесной тропе дня два пути. Там есть целитель, Том Грей. Он древний маг, много знает. Он придумает, как защитить наш мир. Скажешь, Ведущая прислала. Будешь помогать ему лечить тех, кого магия уже не спасает. Катастрофа неизбежна, — она вдруг замолкает и всматривается в моё лицо, — Я соберу для Академии посылку со всем, что может понадобиться, чтобы поддерживать жизнь. Такого нет даже у Тома. Моя дочь бы этого хотела, она жила Академией... До того, как Безликий поразил её душу и очернил сердце... Про Адель никогда не упоминай, будут признавать её в тебе — отпирай-

ся, она успела совершить преступление, достойное смертной казни под чарами злого духа! И никто не знал, что я её мать.

— Но... ведь я ничего не знаю о вашем мире...

Я непроизвольно ёжусь, хотя в хижине тепло. Замираю и почти не дышу.

— А тебе и не надо знать, разберёшься на ходу. Здесь живут маги, оборотни и простые люди. Ты руками работать умеешь? Думать головой?

— Я... училась. Почти хирург, — отвечаю, и от этих слов в груди что-то заскрипело.

— Хирург, — Ведущая пробует слово на вкус и с лёгким удивлением в голосе продолжает, — Не знаю, не знаю... Но если ты сгодишься целителю в помощницы, тебя не прогонят. Том не дурак.

Внутри у меня всё сжалось. На плечи будто опустили тяжёлый груз. Ощущение, что меня втягивают во что-то, к чему я не должна иметь никакого отношения.

Старуха встаёт, подходит к столу, на котором разложены мешочки, склянки, свёртки.

— Смотри и запоминай. Повторять не буду. Выхода у тебя всё равно нет.

Следующий час я учусь как заведённая. Веда показывает травы, зелья, порошки. Что от боли, что от жара, что кровь останавливает, что раны заживляет, что лечит гной, что усыпляет. Я запоминаю, хотя голова идёт кругом.

— Это для самых тяжёлых, — старуха протягивает ма-

ленький холщовый мешочек, — Пыльца мёртвого цветка. Когда магия не работает, когда рана смертельная. Одна щепотка — и человек выживет, даже если должен умереть. Но цена...

— Какая цена? — я хмурю брови.

— Три дня без души. Почти что в межмирье. Он будет жить, но не будет человеком. А потом, если повезёт, вернётся, — Ведущая смотрит мне в глаза, — Используй только в крайнем случае. И никогда на себе.

Она кладёт мешочек в мою ладонь и накрывает сверху своей рукой. Пыльца едва заметно вибрирует сквозь ткань, тёплая, почти живая.

— Ты меня поняла, касатка? — переспрашивает она.

— Поняла, — киваю я, хотя в горле стоит ком. Никогда на себе. Только в крайнем случае. Запомню.

Она увязывает всё в холщовую сумку, протягивает мне тёмный плащ с капюшоном и аккуратные кожаные сапожки.

— Надень. Волосы спрячешь. Светлые — слишком приметные. Лучше ни с кем не встречаться по дороге. В сумке есть немного еды и фляга с водой, эконошь.

Я киваю, накидываю плащ, ткань грубая, но тёплая. Сапожки как по волшебству оказываются мне впору.

— И ещё, — Ведущая смотрит на меня строго. — Никому никогда не говори, что ты из другого мира. Здесь иномирянки убивают. Сразу, без суда... или что похуже. Ты теперь моя приёмная дочь. Я подобрала тебя в лесу ребёнком,

вырастила, обучила травам. Ясно?

— Ясно, — сглатываю пересохшим горлом.

— Повтори.

— Я Марьяна...

— Нет! Это имя забудь! Твоё новое имя должно быть простым и коротким! — резко перебивает меня старуха.

— Я Мар... Мара? Дочь Ведующей. Выросла в лесу, умею лечить травами. Никакого другого мира не было.

Ведущая кивает.

— Умница. Теперь поешь и как можно скорее отправляйся в путь, — Веда указывает на горшочек с похлёбкой, который дымится на столе.

Я быстро уплетаю похлёбку, беру сумку, перекидываю через плечо и у двери оборачиваюсь.

— Ведущая... спасибо вам. За всё, — не знаю, почему я говорю старухе это.

— Иди, тебе в ту сторону, там одна тропа, — она указывает рукой направление и отворачивается, но я вижу, как дрогнули её плечи, — И помни: ты теперь не просто Марьяна. Ты ещё и Адель. Носи это имя в глубине своей души с достоинством... Ну всё, поспеши!

Я выхожу из хижины.

Солнце стоит высоко. Лёгкий ветерок треплет мои новые волосы. Лес шумит, пахнет хвоей и прелой листвой. Впереди — узкая тропа, уходящая в темноту.

Я делаю шаг. Потом ещё один.

Марьяны Лебедевой больше нет. Есть Мара, дочь Ведущей из леса. Целительница без магии. Идущая в Академию, чтобы укрыться и помогать.

*

Лес встречает меня тишиной. Не той, к которой я привыкла в нашем мире — с шорохами, птицами, далёким гулом машин. Здесь тишина плотная, иная, будто лес прислушивается ко мне, знакомится.

Тропа узкая, но заметная. С обеих сторон — высокая трава, щекочущая коленки. Корявые деревья с тёмной корой протягивают ко мне свои переплетённые ветви, сквозь которые солнце пробивается редкими лучами. Пахнет сыростью, мхом, грибами и чем-то сладковато-гнилостным.

Я стараюсь ступать тихо, словно боюсь разбудить что-то в этом лесу. Тяжёлая сумка бьёт по бедру. Внутри — десятки мешочков со всем, что может понадобиться целителю. И особенно запомнившаяся мне пыльца мёртвого цветка — на самый крайний случай. Надеюсь, не пригодится.

По ощущениям без отдыха я иду уже несколько часов. Ноги начинают гудеть — тело непривычно к долгой ходьбе, хоть и лёгкое. Или наоборот — слишком лёгкое, мышц почти нет. Придётся привыкать.

Солнце постепенно переходит на другую сторону неба, я уже порядком устала и останавливаюсь перекусить. Сажусь на поваленное дерево у края тропы, достаю из сумки краюху

хлеба, кусок вяленого мяса, сразу отпиваю из фляги. Вода желанной прохладой опускается в пустой желудок. Она чуть сладковатая — Ведущая намешала туда каких-то трав.

Жую и смотрю на лес. Он кажется безмолвным, но я чувствую — здесь кто-то есть. Или что-то.

Я невольно вжимаю голову в плечи.

Ветви чуть покачиваются без ветра. В траве — лёгкое шевеление. Нечто следит за мной. Внутри всё скручивается от страха, сердце трепетно бьётся где-то у горла, я начинаю часто и поверхностно дышать.

— Тш-ш-ш, — шепчу я себе под нос, — Спокойно. Паникой делу не поможешь.

Аккуратно убираю еду, поднимаюсь и оглядываюсь. Я должна идти дальше. Ведущая сказала — дня два пути. Значит, первую ночь придётся ночевать в лесу.

От этой мысли по спине бегут мурашки, а в животе уже и так засел тугой узел. Я заставляю себя двинуться вперёд.

Солнце постепенно клонится к закату, когда я замечаю, что тропа начинает сужаться. Ещё недавно по ней могли пройти двое, теперь — только один. Ветви нависают всё ниже, цепляются за плащ, норовят хлестнуть по лицу.

Я отмахиваюсь, ускоряю шаг. Как же мне хочется выйти на открытое место до темноты!

И тут — за спиной треск.

Резко оборачиваюсь. Никого. Только ветка крупного дерева качается, медленно, будто кто-то тронул её только что.

Сердце опускается в пятки.

— Спокойно, — шепчу я. — Это лес. Здесь всегда кто-то есть.

Но внутренний голос орёт: беги!

Снова треск. Совсем близко.

Я больше не жду. Адреналин ударяет в голову. Срываюсь с места и бегу.

Тропа петляет, ветки обжигающими росчерками хлещут по лицу и рукам, но я не останавливаюсь. Сзади слышен тяжёлый топот, хруст ломающихся под чьим-то весом сучьев, и вдруг — пронзительный визг, от которого закладывает уши.

Оглядываюсь на бегу.

Из-за дерева вылетает ОНО!

Зверь, отдалённо напоминающий крупную собаку. Шерсть — чёрная, клочьями, кое-где проглядывает серая кожа. Морда вытянутая, с горящими жёлтыми глазами. И хвост — длинный, чешуйчатый, с шипом на конце.

В ушах грохочет собственный пульс.

Тварь бежит на четырёх лапах, но странно подпрыгивает, словно каждое движение даётся ей с трудом. Или она просто играет со мной?

— Пошла прочь! — ору я что есть силы от страха, но тварь даже ухом не ведёт.

Я бегу быстрее. Лёгкие горят, во рту появляется привкус металла, ноги наливаются свинцом, но ужас гонит меня вперёд. Тропа петляет, я уже не понимаю, куда бегу, только бы

не слышать этот топот за спиной.

Внезапно я больно ударяюсь ногой о торчащий из земли корень. Перед глазами вспыхивает, я спотыкаюсь и лечу в траву. Кубарем качусь куда-то вбок и торможу плечом о камень.

Тварь настигает.

Я переворачиваюсь на спину и вижу её — нависшую надо мной, с открытой пастью и горящими глазами. Она медлит. Словно наслаждается моментом.

В голове проносится: «Пыльца мёртвого цветка. Не успею. До сумки не дотянусь».

Я шарю рукой по земле в поисках хоть какого-то оружия, не сводя глаз с твари. И тут пальцы нащупывают крупную палку. Я хватаю её и впихиваю в собачью пасть. Челюсти животного защёлкиваются на древесине, она отвлекается на это, начиная разгрызать её.

Я вскакиваю и несусь дальше, даже не глядя, куда бегу.

Треск за спиной — тварь снова меня преследует. Она быстрее. Она догонит.

И вдруг я слышу приближающийся плеск воды.

Ручей — широкий и быстрый, с прозрачной водой и камнями на дне — перерезает тропу чуть поодаль. Я, не думая, интуитивно устремляюсь туда и с разбегу прыгаю в него. Ледяная вода обжигает ноги, я поскальзываюсь на камнях, едва не упав, но удерживаюсь. В два шага перемахиваю на противоположный берег.

Чуть отбегаю и оборачиваюсь, не слыша преследования.

Тварь стоит на той стороне. Смотрит на воду, переступает лапами, скулит — но не переходит.

Она боится.

Я смотрю на неё, тяжело дыша. Вода стекает с моего плаща, хлопает в сапожках. Тварь скалится, делает шаг к воде и отшатывается, словно обожглась. Ещё один жалобный вой. Внезапно она разворачивается и исчезает в лесу. Сегодня я не её добыча.

— Боится воды, — выдыхаю я, — Тварь боится воды!

Меня затрясло — то ли от холода, то ли от выплеска адреналина.

— Жива, — шепчу я сама себе, — Жива, дура рыжая... тьфу, белобрысая... Жива! — я вдруг явственно ощущаю страх за собственную жизнь, он есть! Я будто даже думать о смерти не готова.

Солнце почти село. Лес вокруг темнел, его затапливали сумерки. Где-то вдали ухала птица — или не птица. Я так и не сдвинулась с места, побоялась. Но тварь не вернулась. А я знала теперь, что вода — мой друг.

Надо найти место для ночлега. Желательно оставаться у воды.

Я перекидываю сумку через плечо и, чуть подрагивая от холода и пережитого ужаса, бреду вдоль ручья в поисках подходящего местечка.

Каждый шаг отдаётся противным хлопаньем в сапожках.

Вода давно просочилась сквозь них, и ступни внутри противно скользят по мокрому при каждом шаге. Плащ отяжелел — подол сильно намок после нечаянного погружения в воду. А кончик моего носа, обдуваемый прохладным вечерним ветром, окончательно замёрз, и я то и дело тру его рукавом.

Ручей достаточно быстро выводит меня к огромному старому дереву. Его ветви стелятся почти до земли, и одна из них простирается прямо над водой — широкая, чуть изогнутая и лежит так удобно, будто сама природа задумала её как колыбель.

Это знак — настало время перевести дух.

Я решительно скидываю плащ, отжимая тяжёлый подол, насколько хватает сил, и забираюсь на ветку. Расстилаю плащ в углублении древесины. Сухое дерево ещё хранит тепло уходящего дня. Замечаю, как гудит моё тело, каждый мускул ноет от перенапряжения. Я укутываюсь в плащ, устраиваюсь поудобнее и ловлю себя на мысли, что здесь, над водой, меня не достанет та тварь. В ручей она уж точно не полезет.

Сворачиваюсь калачиком, поджав колени к груди. Запах коры и прелой листвы смешивается с запахом моего собственного тела — чужого, незнакомого, но уже начинающего пахнуть мной. Или мне только кажется...

Сон приходит мгновенно, тяжёлый, вязкий и без сновидений.

*

Роберт

Открываю глаза. Первое, что вижу — высокий белый сводчатый потолок, расписанный звёздами. Таких не бывает в больнице.

Где я? Ничерта не помню! Как с похмелья. В голове гудит.

Пытаюсь пошевелиться — тело слушается, но в груди тупая боль. Глубокий вздох даётся с трудом. Опускаю взгляд: на мне чистая холщовая рубашка, а под ней — плотная тканевая повязка, это даже не бинты. И лежу я на высокой кровати, которая больше напоминает стол.

— Очнулся, — раздаётся голос рядом.

Поворачиваю голову в сторону источника звука.

В кресле сидит молодой мужчина со светлыми волосами, собранными в хвост. Его руки покрыты замысловатыми чуть светящимися узорами. Лицо уставшее, словно он несколько дней не спал.

— Где я? — мой голос охрип.

— В Академии магии, — отвечает незнакомец, — Меня зовут Том Грей. Я целитель. Ты был при смерти, когда тебя выбросило здесь из портала-воронки. Тяжёлое ранение, почти несовместимое с жизнью. Хорошо, что я успел.

Я только открываю рот, но дальше молчу. Надо переварить новую информацию. Академия магии? Выбросило?

Воспоминания лавиной накрывают мой разум: стрелок в

больнице, боль, кровь, Марьяна, дальше пустота...

— Марьяна... — выдыхаю я, — Девушка, которая была со мной... она тоже здесь?

Том качает головой.

— Ты был один. Я не знаю, о ком ты говоришь.

Я закрываю глаза. В груди разрастается холод. Я всегда умел идеально просматривать линии вероятности, это мой дар, но убийцу с ружьём и приход Марьяны я упустил. Глупо. Безответственно.

Неужели бедная девочка осталась один на один со стрелком. Или она где-то здесь? Жива ли она?

То, чего я ждал всю жизнь произошло — мой мир меня забрал! Древняя магия хризопраза, который был со мной с самого детства, сработала. Я вернулся, но какой ценой?

Однажды я уже рискнул чужой жизнью ради возможности попасть в этот мир, почти что принеся в жертву девушку Лизу. Она и стала моим билетом в этот мир. Теперь — неизвестно, что с Марьяной и в каком она мире. Лучше бы не здесь...

Перед глазами всплывают руки Марьяны, зажимающие рану на моей груди. Её лицо, её слёзы, её шёпот: «Вы же даже не знаете, как я вас...». Во рту становится горько. Челюсти сжимаются.

— Она была со мной, — говорю глухо. — Держала меня за руку перед тем, как я отключился и меня перебросило сюда. Где она может быть?

— Вероятно, воронка разбросала вас, — Том вздыхает. — Такое бывает. Пространственные разломы непредсказуемы. Или твоя девушка погибла.

Мысль о том, что Марьяна могла погибнуть из-за меня, способна выжечь дыру в груди похлеще пули.

Том смотрит на меня странным, изучающим взглядом. Примерно таким же, как я сканирую человеческие ауры.

— Ты не из другого региона или страны, ты из другого мира, — говорит он не вопросом, а утверждением, — Я чувствую в тебе чужую энергетику,

— Ты прав. Я оттуда, где нет магии. Но точно знаю, что родиться должен был здесь. Там, где я вырос, меня воспитывали приёмные родители. Мне многое известно благодаря кристаллу, который вызывал у меня видения. Искаженные, странные, но по ним я смог понять, почему ощущал себя чужим среди своих, — закашливаюсь, хватаясь за ноющие рёбра, — Это долгая история.

Я и сам не ожидал от себя такой откровенности с первым встречным. Но мне почему-то Том не кажется опасным. Тем более он меня спас.

Целитель внимательно рассматривает моё лицо.

— Знаешь, это многое меняет. Ты очень похож на одного моего знакомого, — говорит он, прищуривая глаза. — О нём я расскажу тебе позже, если моя догадка подтвердится. Но сейчас пока мне не до этого... — Том посмотрел в окно и нахмурился.

За окном серое небо, и от него исходит странное мерцание. В воздухе висит что-то тревожное, неуловимое.

— Что происходит? — я сажусь на кровати, морщась от боли.

— Магия уходит, — Том оборачивается. — Чувствуешь? Воздух другой. Тяжёлый. Заклинания сбоят, артефакты гаснут. Ректор с женой не в Академии уже несколько недель, на службе у правителя. Теперь самый сильный маг здесь только я. Но мои силы тоже уходят. Сама Бездна не знает почему! Если так пойдёт дальше, мы останемся без защиты. А без защиты...

Он не договаривает. За дверью раздаётся крик.

— Том! Том, скорее!

— К демонам всё! — целитель выругивается, резко поднимаясь из своего кресла, — Выпей отвар, — он указывает на стакан с мутной жидкостью на подоконнике и широким шагом выходит из помещения.

Я осматриваюсь. Белая комната с этим высоким потолком и столом подо мной отдаленно напоминает операционную. Я сбрасываю покрывало и аккуратно спускаюсь на пол. От вертикального положения грудь заныла чуть сильнее, но терпимо. На мне всё ещё мои хирургические брюки, забавно.

Делаю пару шагов по каменному полу босыми ногами. Голова кружится, но двигаться можно. Беру стакан и выпиваю залпом. Без страха и сомнения. Кисло-сладкий вкус отвара бодрит, а мятное послевкусие приятно оседает на языке. Я

ощущаю, как жизненная сила, потерянная с кровью, постепенно возвращается в мои вены.

Решаю выглянуть за дверь, куда только что ушёл Том. За ней — шумный коридор, заполненный толпой. Молодые парни и девушки, кто-то в мантиях, кто-то в серых одинаковых костюмах, люди постарше, раздающие указания — все мечутся, кричат, кто-то плачет. В центре толпы — носилки, на которых лежит парень лет двадцати. Его рука висит плетью на мышцах, кость переломлена и торчит в рану, из раны хлещет кровь.

— Квазар, что случилось? — Том склонился над ним.

— На полигоне... заклинание дало сбой... взрыв... — лепечет парень, бледный как смерть.

Том опускается на колени, протягивает руки к ране. Его ладони начинают светиться — но тускло, еле-еле, свет гаснет, не успев разгореться.

— Не работает, — шипит он. — Совсем не работает. Я истратил все силы. Бездна!

Ноги сами ведут меня к пострадавшему.

— Жгут, — команду на автомате жёстко, переходя в режим операционной, — Нужна любая ткань, верёвка, ремень. Быстро!

Толпа замирает, глядя на меня как на сумасшедшего.

— ЖИВО! — рывкаю так, что несколько человек подскакивают и бросаются выполнять.

Кто-то протягивает ремень и кусок ткани. Я прикрываю

рану, ремень накладываю выше и затягиваю так, что парень вскрикивает.

— Терпи, — бросаю ему, — Кровь остановили. Теперь в операционную. Где здесь можно оперировать? — обращаюсь я к Тому.

Он смотрит с удивлением, смешанным с надеждой.

— Ты умеешь? Это искусство здесь забыли сотни лет назад.

— Я хирург. Если у вас есть чистое помещение, острые ножи и хоть какие-то нитки — разберемся. Ещё нужно обеззаразить рану, инструменты и наши руки. У нас минут тридцать на подготовку. Через час нужно полностью снять жгут.

— В хранилище есть артефакты, которыми пользовались пару сотен лет назад до усовершенствования целительской магии. Ты выберешь, что нужно, — кивает Том и поднимается, — Парня в лазарет, хирургические наборы принести из хранилища! — командует он собравшимся вокруг молодым людям.

Я иду за Томом сжимая зубы от боли, которая отдаётся в груди с каждым шагом.

— Как тебя зовут? — спрашивает Том на ходу.

— Роберт. Роберт Сергеевич, но здесь, видимо, просто Роберт.

— Роберт, — Том усмехается, — Ну конечно. У нас тут уже один Роберт есть. Сын Дина Бэлмора.

Мы проходим по коридору в соседние залы. Они похожи

на тот, в котором я очнулся, только больше. Несколько молодых людей уже раскладывают на широком столе какие-то свёртки. Неужели они так быстро сбегали за инструментами?

— Вот, Роберт, выбирай, что нужно, — Том указывает в сторону принесённых вещей.

К моему удивлению я вижу на столе несколько полноценных хирургических наборов! Да такими не только рану зашить, но даже операцию на брюшной полости провести можно. Каждый инструмент — произведение искусства, выполненное из золота и инкрустированное драгоценными камнями.

— Ого! — выдыхаю я, разглядывая разложенное богатство. — Да тут есть где разгуляться! Несите обеззараживающие жидкости, желательнее те, что можно поджечь. И Том, как ты будешь обезболивать парня?

— У нас есть дурманящие зелья разной степени силы. Заснуть и не чувствовать боль — это без проблем! — Том широко улыбается, словно в предвкушении интересного зрелища.

— Отлично. Тогда давай сюда самое сильное. И дай своим подопечным указание, чтобы здесь было максимально чисто, ни пылинки!

Массивный деревянный стол уже застелили свежей тканью. На отдельном столике я раскладываю все инструменты: скальпели с идеально отточенными лезвиями, иглы раз-

ной кривизны, зажимы, пинцеты и удивительно тонкие, но прочные нити, словно лески. Обливаю всё это добро горючей жидкостью.

— Есть немного огня, Том?

— Уж на это пока должно хватить остатка моей магии, — целитель щёлкает пальцами и столик с инструментами загорается.

Вокруг суется молодые люди, протирая поверхности всё той же остро пахнущей жидкостью. Видимо это местный спирт.

Парня, Квазара, уже уложили. Он бледен, дышит часто, но в сознании. Жгут на руке ослабили по моему указанию, сейчас нужно будет действовать быстро.

— Зелье дали? — спрашиваю у Тома, который ходит за мной с явным любопытством.

— Только что выпил. Через пару минут отключится.

— Хорошо. Тогда моем руки. И не просто, а с мылом, затем обрабатываем той же жидкостью, в которой горят инструменты. Я покажу как правильно.

Том поднимает брови, но спорить не решается.

Мы выполняем все действия, которые требует великая наука об асептике и антисептике. Я обрабатываю рану. Кость торчит наружу, вокруг — рваные края мышц, мелкие осколки. Повезло, что крупные сосуды не задеты, иначе бы парень истёк кровью ещё на полигоне, или от руки пришлось бы избавиться. Но если вовремя не собрать кость и не зашить ра-

ну, всё равно начнётся некроз, и тогда ему светит ампутация.

— Скальпель, — команду я, протягиваю руку.

Том подаёт инструмент, и я начинаю расширять рану, чтобы добраться до костных отломков. Квазар не дернулся, уже в отключке — зелье сработало отлично.

— Держи зажим, — бросаю Тому, — Вот здесь. Оттяни край, только не дёргай.

Том берёт зажим, как умеет. Инструмент соскальзывает, и я едва успеваю подхватить его, чтобы не ухудшить состояние раны.

— Твою ж... — шиплю я сквозь зубы. — Осторожнее! Это тебе не зелья варить.

— Прости, — Том виновато хмурится. — Я целитель, мы обычно просто прикладываем руки и магия делает всё сама. Я никогда не работал... вот так.

— Вижу, — бурчу я, продолжая орудовать пинцетом, извлекая мелкие осколки. — Ладно, держи руки вот так. Посматривай, чтоб парень был жив. И не дыши мне под руку.

Света хватает — магические шары под потолком горят ровно, без теней. Но работать одному чертовски неудобно. Нужен кто-то, кто будет подавать инструменты, держать края раны, следить за пульсом. В моей больнице ассистенты работают как слаженный механизм, а тут...

И вдруг перед глазами всплывает лицо Марьяны. Лебедевой. Её пухлые, но удивительно ловкие пальцы. Её въедливость, с которой она вычитывала научную литературу. Её

упрямство.

«Вот если бы она сейчас была здесь, — проносится в голове. — У неё руки... она бы...»

Сердце сжимается так резко, что я на миг замираю с пинцетом в руке. Том встревоженно смотрит на меня.

— Роб? Что-то не так?

— Всё нормально, — отвечаю хрипло и продолжаю работу. Но непрощенная мысль засела занозой.

Где она сейчас? Жива ли? Если воронка выбросила меня в этот мир, то её могло затянуть куда-то ещё. Или убить. Или... я отгоняю более страшные варианты, но они лезут в голову, мешая сосредоточиться.

— Роберт! — голос Тома отрезвляет, — Кровь пошла сильнее.

Я смотрю на рану — действительно, задел мелкий сосуд. Чёрт. Соберись! Сначала парень, потом личное.

— Зажим, — команду я, и Том на этот раз подаёт инструмент чётко. Быстро накладываю зажим, перевязываю нитью сосуд. Дальше — дело техники.

Кость вправляется с хрустом, но я фиксирую её правильно. Теперь нужно наложить швы на мышцы, потом на кожу. Том смотрит на мои манипуляции с благоговением, как на древнее сакральное действие.

— Это... невероятно, — шепчет он. — Ты просто руками соединяешь ткани. Без магии. Как такое возможно?

— Практика, — коротко отвечаю я, затягивая последний

узел. — Много практики. И хорошие учителя.

И снова мысли возвращаются к Марьяне. Она хотела стать моей ученицей. Учиться у меня. А я её гнал.

«Хирургия не для женщин», — эхом звучат мои собственные слова. Идиот. Самовлюблённый, чёрствый идиот. Она была готова работать сутками, грызть гранит науки. А я... Возможно я её убил.

— Готово, — говорю вслух, чтобы заглушить внутренний голос. — Теперь повязка. Нужна деревянная шина, если нет гипса. Конечно же его нет... И следите, чтобы рука была в покое. Через пару дней проверю швы, если заживёт нормально, за две недели оклемается.

— Я понял, — Том кивает. — Я прослежу. Роберт... спасибо. Ты спас ему руку. Целители бы не смогли без магии.

Я выхожу из лазарета, ноги подкашиваются. Не только от слабости после ранения, но и от тяжести внутри. Опускаюсь на каменную скамью в коридоре и прикрываю глаза.

*

Марьяна

Просыпаюсь оттого, что птица вспорхнула с соседней ветки, громко хлопнула крыльями и унеслась прочь. Я вздрагиваю, открыв глаза, и зажмуриваюсь: солнце бьёт прямо в лицо, пробиваясь сквозь листву. Сажусь, растирая затёкшую шею. Тело одеревенело от долгого лежания в одной позе — казалось, от страха я пыталась срастись с этим деревом. Осо-

бенно ноют ноги, спина и плечи. Но вопреки всем ожиданиям, со мной ничего не случилось. Ночь прошла спокойно.

Я сползаю с ветки, продолжая разминать затёкшие руки. Кожа на ладонях стёрта — видимо, вчера в панике я цеплялась за острую траву. Подношу руку к лицу, рассматривая. Чужая рука. Тонкая, изящная, с длинными пальцами и розоватыми ссадинами на ладони. Она болит по-настоящему. По-моему. Значит, теперь это моя рука.

Я достаю из сумки краюху хлеба, откусываю и медленно жую, наслаждаясь вкусом. Запиваю водой из фляги. Живительная жидкость почти кончалась. Я покосилась на ручей — вода в нём прозрачная, но кто знает, что водится в здешних источниках. Ведущая не говорила, можно ли пить из лесных ручьёв. Лучше не рисковать.

Плащ за ночь высох. Я накидываю его и подхожу к ручью. Сажусь на корточки у самой воды, зачерпываю ладонями. Ледяная вода чуть обжигает кожу, но я всё равно умываюсь, смывая остатки сна и вчерашнюю усталость. Потом замираю, глядя на своё отражение.

Снова — миг отчуждения. Из воды на меня смотрит незнакомка. Я провожу пальцами по щеке — отражение повторяет движение. Кожа гладкая, бархатистая, без единой веснушки, совершенная. Пальцы скользят выше, к скулам — точеным, красивым. К вискам, где светлые, почти белые волосы выбиваются из общей массы и ложатся мягкой волной. Я рассматриваю себя долго, жадно. Глаза — огромные,

серые, в обрамлении пушистых ресниц с небольшим естественным изгибом. Нос — аккуратный, губы — пухлые, насыщено-розовые. Я касаюсь их кончиками пальцев, чувствуя мягкость, тепло.

Красивая. По-настоящему красивая. Такая, какой я никогда не была. Внутри что-то щемит — то ли зависть к той, другой, то ли благодарность за этот дар. Или грусть, что Марьяна Лебедева никогда не узнает, каково это — быть прекрасной. Я отвожу взгляд, отряхиваю с рук остатки воды и поднимаюсь. Надо идти. Это тело — не подарок. Это ответственность. Я должна его беречь. И жить в нём. Жить дальше, вопреки.

Поправляю сумку. Чувствую под лямкой на ключице саднящую потёртость, приходится перекинуть её на другое плечо. Делаю шаг, потом другой. Тело двигается легче, чем вчера, хотя мышцы ещё ощущаются. Бодро иду вдоль ручья, наслаждаясь ласковыми утренними лучами солнца. Я возвращаюсь на тропу, с которой вчера свернула в поисках ночного укрытия.

визуал

Том

Том и Роберт визуал

Том и Роберт

Глава 3

Я не знаю, сколько уже иду по лесной чаще. Время здесь словно течёт иначе — то тянется резиной, то проваливается куда-то, оставляя меня в неведении. Тропа кажется волшебной, будто водит кругами, но я замечаю, как меняются растения вокруг: папоротники сменяются мхами, мхи — высокой травой, а та — низким колючим кустарником. Значит, иду не по кругу. Значит, тропа ведёт меня дальше.

Я уже начинаю привыкать к живой лесной тишине, когда внезапно её разрывает крик.

Женский крик. Громкий, отчаянный, полный боли.

Я замираю на месте, сердце подскакивает к горлу. Крик доносится откуда-то с неба. Стою, не дыша, вслушиваясь в тишину, которая снова повисает над лесом.

И тут — грохот. Словно где-то рядом огромный зверь обрушивается на лес, ломая своим телом сухие ветки. Я слышу тяжёлый хруст, треск, и следом — звук, похожий на взмах огромных крыльев.

— Любимая, потерпи! — мужской голос, взволнованный, срывающийся на рык, — Я сейчас что-нибудь придумаю!

— Нет, Дин, всё... кажется, началось... — женский голос прерывается новым криком.

— Элизабет! Лиза... Лиза!

Я стою как вкопанная. Дин. Лиза. Имена такие... обычные.

Почти как дома. Почти как у нас. И этот до боли знакомый крик — так кричат роженицы!

В голове вспышкой — акушерский колледж. Я закончила его перед институтом, думала, что никогда не пригодится, что хирургия — вот моё настоящее. Акушерство казалось скучным, слишком простым, слишком бабским. Но я знала его на отлично. Я помню каждую схему, каждый поворот плода, каждый риск.

Ноги сами несут меня на голос.

Я вылетаю на небольшую поляну и вижу: женщина лежит на расстеленном плаще, бледная, с мокрыми от пота прядями волос. Рядом на коленях перед ней крупный мужчина с длинными каштановыми волосами, собранными в хвост. Он сжимает её руку и смотрит на неё с такой отчаянной любовью, что у меня на миг останавливается сердце.

А потом я вижу его лицо.

Будто оно мне знакомо. Его взгляд. Но откуда? Я никогда не видела этого человека.

Нет! Это просто стресс! Галлюцинация от усталости. Не до того сейчас.

— Я могу помочь, — выдыхаю я, выходя на поляну.

Мужчина резко оборачивается, в его глазах вспыхивает настороженность, почти звериная готовность защищать.

— Кто ты? Откуда здесь взялась? — голос жёсткий, требовательный.

— Я Мара. Дочь Ведущей. Я умею принимать роды. Поз-

вольте помочь.

Он смотрит на меня недоверчиво, но в этот момент женщина, Лиза, вскрикивает снова, и Дин тут же переключается на неё.

Я опускаюсь на колени рядом и мягко, но уверенно отодвигаю его руку.

— Можно? — обращаюсь я к роженице.

Лиза кивает, тяжело дыша.

Я кладу руки на её живот. Пальцы сами находят нужные точки, ощупывают, считают. Двойня. И первый идёт неправильно.

— Ягодичное предлежание, — говорю вслух, и в голове вспышкой — схемы, рисунки, тексты. Классификация, риски, пособия. Всё, что я учила, зубрила, сдавала на практике — всё здесь, в пальцах, в мыслях.

— Что это значит? — Дин смотрит на меня с ужасом.

— Это значит, что ребёнок идёт попой вперёд. Это опасно, но я знаю, что делать.

Я открываю сумку, лихорадочно перебирая обилие мешочков и скляночек. Кровоостанавливающие, противовоспалительные, от боли. Но от боли сейчас нельзя — собою схватки. Откладываю. Беру только порошок от гнойных ран — на всякий случай, если порвутся ткани.

— Нужна вода, — командую я Дину, — Чистая. Нож и огонь.

Он исчезает на несколько минут и появляется с флягой

и кинжалом. Я обливаю руки водой, пытаюсь тереть их так, будто моюсь перед операцией. Не стерильно, но хоть что-то.

— Слушай меня, Лиза. Ты будешь делать то, что я скажу. Когда скажу тужиться — тужишься. Когда скажу терпеть — терпишь. Поняла?

Она кивает, закусывая губу. По её щекам бегут слёзы.

Дальше всё как в тумане. Мои руки помнят то, что голова уже забыла. Я нащупываю ребёнка, чувствуя каждое движение, каждое напряжение тканей, помогая маленьким ножкам сохранять согнутое положение. Лиза кричит, но слушается. Дин склонился над её головой, держит за руку, сжимая так, что ладонь побелела, но девушка не жалуется. Я чувствую их единение, магическое, непередаваемое словами.

— Ещё чуть-чуть, — шепчу я, — Ещё одна потуга.

Первый ребёнок выходит. Синий, не дышит.

Я хватаю его, переворачиваю, тру спинку, убираю слизь из рта, помогаю первому вдоху, и он заходится криком. Живой. Живой, маленький, сморщенный, орущий. Живой!

Лиза плачет. Дин смотрит на меня так, будто я сошла с небес.

— Второй, — команду я, вытирая испарину на лбу рукавом, — Не расслабляться!

Второй идёт легче, головой вперёд, как положено. Через несколько минут он уже лежит на груди у Лизы, розовый, довольный, кряхтящий.

Я перерезаю пуповины — Дин по моей просьбе прокали-

вает кинжал над магическим огнём, который зажигает прямо на ладони. Огонь горит тускло, с перебоями, но этого хватает. Пуповины поддаются с лёгким хрустом.

— Завяжи вот здесь ниткой, — показываю, — Туго, но не слишком.

Дин слушается беспрекословно.

Лиза обессиленно закрывает глаза, прижимая к себе малышей. Дин проводит рукой над её одеждой — и та становится чистой и сухой. Магия ещё работает, но еле-еле, прерывисто, как больное сердце.

— Укутайте их, — говорю я строго, — В тёплое. У вас есть?

Дин сбрасывает плащ, заворачивает в него обоих младенцев. Те затихают, согревшись.

Я достаю из сумки порошок и развожу его в воде.

— Выпей, — протягиваю Лизе, — От кровотечения. У нас в лесу без этого никак, — и ободряюще ей подмигиваю.

Она послушно глотает, даже не спрашивая, что это. Доверие. После того, что я сделала, у них нет причин мне не доверять.

Мы сидим в тишине несколько минут. Я смотрю на эту семью — на счастливого отца, на уставшую мать, на двух крошечных человечков, которых я только что приняла в этот мир. И в груди что-то щемит. Тепло и больно одновременно.

— Откуда ты идёшь, Мара? — спрашивает Дин, когда Лиза засыпает, прижимаясь к нему, а к себе прижимая детей.

Я отвожу взгляд.

— От Ведущей. Она меня отправила... по делам.

Не знаю, почему я не говорю про Академию. Осторожность. Или страх, что они спросят зачем.

— А вы? — пытаюсь хоть как-то перевести тему.

— Мы держим путь в Академию магии, — Дин смотрит на спящую жену, — Наш старший сын недавно туда поступил. Роберт.

Сердце больно сжимается от знакомого имени, а в горле застревает ком. Роберт. Так звали *его*. Моего Роберта. Того, кто остался там, в прокуренном кабинете, с дырой в груди и угасающим взглядом. Я сглатываю, отгоняя непрошеное видение. Это просто имя. Просто совпадение. В этом мире наверняка сотни Робертов.

— Мы узнали, что магия в Лации исчезает, — продолжает Дин, — Я только что почувствовал это сам, когда пытался помочь Лизе. Магия больше не работает как раньше. Роды начались именно здесь... думаю, из-за этого.

— Я слышала шум, когда шла по тропе, словно здесь был огромный зверь...

— Я оборотень, крылатый волк. Нёс Лизу на спине. Думали, быстрее будет, — он криво усмехается и вздыхает, — А получилось... вот.

Оборотень! Ого! Внутри что-то зашевелилось — это страх, смешанный с любопытством. Новый мир меня ещё удивит, и не раз!

Я смотрю на малышей и Лизу. Тысячи вопросов застывают на языке. Нельзя.

— Дальше вам лучше по земле. С ними — только по земле.

— Знаю, — кивает Дин, — Отдохнём немного и пойдём. Я их отнесу.

Мы сидим молча. Я делаю вид, что ничему не удивляюсь. Думаю об Академии. О том, что они идут туда же, куда и я. О том, что могла бы пойти с ними. Но не говорю ни слова.

— Спасибо тебе, Мара, — хрипло говорит Дин, — Ты спасла их. Мою жену. Моих детей. Я твой должник навеки. Проси, что хочешь!

Так и тянет попросить помощи. Я почти открыла рот, почти сказала про Академию, но в последний момент прикусила язык. Нельзя. Я не знаю их. И они не должны знать меня.

Я киваю, поднимаюсь и отряхиваю плащ.

— Мне пора. Ничего не нужно. Пусть у вас всё будет хорошо.

Дин смотрит на меня с недоумением, но не останавливает.

— Куда бы ты ни шла, пусть лес хранит тебя, — говорит он.

Я склоняю голову в жесте благодарности и ухожу.

Тропа ждёт меня. Академия ждёт. А в груди теперь живёт маленький тёплый уголок — память о том, что сегодня я подарила жизнь. Две жизни. Хотя, наверное, даже три. В этом новом для меня мире. И, может быть, это не случайно.

*

Роберт

— Руку держи ровнее, — командую я, и молодой маг послушно вытягивает обожжённую конечность.

Ожог второй степени, плечо и предплечье. Краснота, пузыри. На полигоне очередное заклинание дало сбой. Магия искрит, сбоит, калечит своих же. Том говорит, такого не было сотни лет.

— Больно? — спрашиваю, осторожно обрабатывая рану.

— Терпимо, — парень кривится, но держится молодцом.

Я накладываю мазь из запасов Тома и начинаю бинтовать. Руки работают сами, на автомате. Мыслями я далеко. Том уже перевязывает следующего адепта.

Утро выдалось суматошным. Трое с ожогами, двое с порезами, один с подозрением на сотрясение — упал с высоты, когда магия отказала во время полёта. Смешно? Страшно. Если магия продолжит исчезать, здесь начнётся настоящий ад. Эти люди просто не умеют существовать вне магических условий.

— Готово, — говорю парню. — Завтра в это же время на перевязку. Пузыри не трогать, понял?

Он кивает и уходит, а я смотрю в коридор. Ещё четверо.

Том появляется у меня за спиной, когда я зашиваю глубокий порез на ноге молоденькой девушки-адепки. Она напоролась на взбесившееся от заклинания растение. Девчонка

всхлипывает, но терпит — характер есть. Том молча наблюдает.

— Заживёт, — говорю я, завязывая последний узел. — Швы снимать через дней через семь. Ходить пока осторожно, лучше с тростью.

Девушка кивает, благодарит и выходит.

— Красиво шьёшь, — замечает Том, садясь в кресло рядом.

— Угу, — я мою руки в тазу с водой. Мыло здесь заменяют травяные отвары, но эффект тот же, — Что у тебя?

— Ничего срочного. Просто... думаю.

— О чём? — вытираю руки и сажусь напротив, — Переживаешь, что адепты с боевого факультета сожгут Академию раньше, чем полностью исчезнет магия?

Том усмехается, откидывается на спинку стула.

— Боевой — это ты про тех, кто вчера пришёл с ожогами конечностей после занятия по отражению огненных атак?

— А что, был ещё кто-то? — я делаю заинтересованное лицо, — Рассказывай.

— Один умудрился поджарить себе бровь, — Том качает головой, но глаза уже смеются, — Защиту против огненного шара поставить не может, щитом бровь за секунду спалил, хорошо не глаз! Пришёл такой, гордый, говорит: «Я ведь его отразил!»

— И что ты ему сказал?

— Спросил: «Что именно, Вениам? Собственное лицо?»

Я фыркаю. Картина и правда забавная.

— А второй, — продолжает Том, уже не скрывая улыбки, — второй решил, что если держать щит подальше и вокруг себя, он будет сильнее. В итоге спалил себе мантию и даже не заметил. Ходил потом весь день с дыркой на спине, пока ему кто-то не сказал.

— Да у тебя тут целый рассадник будущих светил магии. Они быстро научатся поджигать самих себя, минуя все промежуточные этапы, — усмехаюсь я.

— Не каркай, — Том швыряет в меня бинтом, — Твои методы тоже не образец совершенства. Ты им иглы кипятить показал — они теперь всё кипятят. На прошлой неделе один зачем-то прокипятит свой табель.

— И что?

— А то, что потом полдня разбирали каракули, потому что чернила расплылись. А это его единственный документ!

Я не выдерживаю и смеюсь. Том подхватывает. Впервые за долгое время легко, просто.

— Ладно, — говорю я, вытирая выступившие слёзы, — Хорошо хоть Квазар оказался умнее. Настоящую травму получил, и бровь цела.

— Рука, надеюсь, тоже скоро восстановится.

— Восстановится, если адепты перестанут полигон взрывать каждый день. Но я на твоём месте начал бы запасаться зельями от ожогов активнее. Эти гении магии скоро сожгут всё, до чего дотянутся.

— А я на твоём месте начал бы искать ассистента, — парирует Том, — Потому что, когда у них всё же получится навредить друг другу по-крупному, ты один не справишься.

— Ассистента? — я кривлю губы, — Ты предлагаешь кого-то из своих? Боюсь, они сначала прокипятят пациента, а уже потом спросят, что делать.

— Можно подумать, ты сам никогда не ошибался, — Том поднимает бровь.

— Ошибался, — я вздыхаю, невольно вспоминая дни беззаботной юности.

— Например? — Том наклоняется вперёд, явно готовясь к чему-то интересному.

— Например, однажды я чуть не отправил дедушку с переломом руки на колоноскопию, — улыбаюсь.

Том замирает.

— На что?

— На колоноскопию.

— А что это? — Том морщит лоб, — Какое-то сложное целительское искусство? Я не слышал такого...

Я делаю глубокий вдох, чтобы не засмеяться раньше времени, и загадочно поднимаю взгляд.

— Это... как бы тебе объяснить, чтобы ты потом спать мог спокойно.

— Теперь ты точно меня заинтриговал, — Том пододвигается ближе, — Рассказывай.

— Представь себе гибкую трубку, — начинаю я медленно,

— Метра полтора длиной, — показываю руками расстояние, — На конце — камера... хм, ну такой глазок, как у подозрной трубы, и источник света. Её вводят... естественным путём. Снизу. И продвигают по всему кишечнику, чтобы осмотреть толстую кишку изнутри.

Том сначала не понимает. Потом до него доходит.

— В смысле... — он показывает рукой направление, — Туда? Снизу?

— Туда, — подтверждаю я, — Всю дорогу.

— На полтора метра?! — Том выглядит так, будто его сейчас стошнит.

— Ну, не всем на полтора, — уточняю я, — Кому сколько надо.

— Бездна! Это уже не целительство, а пытки, — Том трёт лицо руками, — И вы это... делали?

— Делали, — киваю я, — Пациентам чаще всего давали снотворное, конечно. Но всё равно процедура... специфическая. Некоторые потом клялись, что скорее повторно родят, чем ещё раз через это пройдут.

— Я их понимаю, — Том слегка передёргивает плечами, — Ладно, а что за история с бабушкой?

— А, это... — я усмехаюсь, — Привозят двоих. Бабушка, подозрение на кишечное кровотечение — ей как раз колоноскопию нужно. И дедушка, с переломом руки. Я тогда на пятом курсе был, старший доктор отошёл, я за главного. В общем, перепутал пациентов.

— То есть... — Том смотрит на меня с ужасом и восторгом одновременно.

— То есть я дедушку с переломом на колоноскопию отправил. Его уже на кушетку положили, штаны спустили, всё для процедуры подготовили...

— Бездна, — выдыхает Том, — И что?

— А я прихожу такой, готовый к процедуре. И тут смотрю — лежит мужик, рука у него под сорок пять градусов на козыночке с транспортной шиной. И он на меня смотрит. Снизу вверх. И тихо так спрашивает: «Молодой человек, а моей руке это... поможет?»

Я замолкаю, давая Тому время представить картину. Он уже не смеётся — он заливается хохотом, хватаясь за край стола.

— Помогло? — выдавливают он сквозь смех.

— Нет, — я тоже улыбаюсь, — Я его быстро в травматологию отправил. А бабушке процедуру сделали. Потом она мне пирожков принесла, потому что нашли полип, вовремя удалили.

— А дедушка?

— А дедушка через месяц пришёл, когда гипс сняли. Сказал: «Молодой человек, если вы ещё раз ошибётесь, я вас этой самой рукой догоню и прибую».

Том уже не может говорить, только машет рукой, утирая слёзы. Я даю ему отдышаться.

— Вот так, — говорю я, когда он успокаивается, — Так

что когда твои адепты кипятят табели или поджигают брови — это мелочи. Главное, чтобы потом пирожками отблагодарили.

— Ладно, пойду, гляну, как там наши гении магии. А ты ассистента ищи, — он хлопает меня по плечу, — Без него никак.

— Найду, — отвечаю я, — Куда денусь.

— Вот и хорошо, — Том кивает и выходит.

Дверь за ним закрывается.

В коридоре ещё пациенты. За окном начинает темнеть. Завтра — новый день. И новая партия покалеченных магов, которые не понимают, почему их сила предаёт даже в бытовой магии.

Хорошо, что нет крупных сочетанных травм, думаю я. Или аппендицита. Или прободной язвы. Без ассистента такое не потянуть. Никак.

Адепты целительского факультета за эти дни превратились в идеальных помощников. Сначала путались, где какой инструмент, теперь раскладывают всё с хирургической точностью.

Я выхожу в соседнее помещение и смотрю, как они колдуют у стола — без магии. В лазарете я запретил им использовать её, слишком ненадёжно. Пусть привыкают к рукам.

Один из них ставит на огонь котелок с водой, дожидается кипения и опускает туда иглы инструменты. Другой, вооружившись щипцами, держит скальпели над пламенем све-

чи, прокаливая лезвия, пока те не начнут светиться тусклым светом. Третий разводит в глиняной плошке травяной отвар, которым потом протирает инструменты после остывания.

— Не переусердствуй с огнём, — говорю я, подходя ближе, — Лезвие не должно деформироваться.

— Понял, господин, — парень сосредоточенно кивает, чуть отодвигая скальпель от пламени.

Я смотрю на их руки — сосредоточенные, точные. Глаза горят, ни тени сомнения. Возможно, в нашем мире из них вышли бы отличные хирурги. Или операционные сёстры. Жаль, они об этом даже не знают. Да и к чему им? Магия — их стихия. За пределами лазарета они продолжают пользоваться ею так же легко, как дышат. Преподаватели ведут занятия, адепты тренируются на полигонах, и никто не хочет верить, что их сила когда-нибудь может исчезнуть окончательно.

А здесь, в этом маленьком мирке, где пахнет травяными отварами и кипячёной водой, они учатся обходиться без неё. Пока только здесь.

Я возвращаюсь в смотровую, чтобы закончить с последними пациентами. Мне повезло, дальше — никаких серьёзных травм, и всё проходит быстро.

Под конец приёма ощущаю, что глаза слипаются, тело наливается тяжестью. Том ушёл примерно час назад, адепты разобрали инструменты и тоже разошлись. Лазарет погружается в тишину, только магические светильники мерно гудят

под потолком.

Откидываюсь назад. Прислоняюсь затылком к холодной мраморной стене и сам не замечаю, как проваливаюсь.

Мне снится Марьяна.

Она идёт по пыльной улице, залитой солнцем. Рыжие пряди выбиваются из косы, на плече болтается выдавшая виды сумка. Она улыбается — той своей неловкой, искренней улыбкой, от которой у неё всегда краснели щёки. И пахнет от неё чем-то неуловимо знакомым — не духами, не больничным антисептиком, а чем-то тёплым, живым. Лесной земляникой. Я бы никогда не сказал ей, что запомнил её запах... Да и говорил ли я ей вообще хоть что-то, кроме «хирургия не для женщин»?

— Роберт Сергеевич! — окликает она, и в голосе — радость.

Она жива. Она осталась там, в своём мире. Всё у неё хорошо. Я чувствую это каждой клеткой — она счастлива. Учится, оперирует, может, даже вышла замуж. Ей больше не нужно таскаться за мной с дурацкими проектами, не нужно выслушивать моё ворчание.

Во сне я не чувствую привычного раздражения. Только облегчение. Такое огромное, что не помещается в груди. Я так рад, что она жива. Что у неё всё хорошо. Что я не убил её.

— Лебедева, — слышу свой голос, и он звучит мягко и ласково, совсем не так, как в жизни, — Ты молодец. У тебя всё получится.

Она смеётся и машет рукой, уходя в солнечную дымку.

Я просыпаюсь оттого, что голова падает на грудь. В лазарете тихо, светильники почти погасли. Шея затекла, спина ноет. Привожу мысли в порядок, прокручивая сон. Странно. Такой яркий, такой настоящий. Словно я там был. Но это всего лишь сон. Или нет?

Магия сбоят, искажает всё вокруг. Но одно я знаю точно — раз она мне приснилась живой и счастливой, значит, так оно и есть.

Марьяна Лебедева жива. Она осталась в своём мире, ходит по тем пыльным улицам, оперирует, спорит с профессорами и, может быть, больше не вспоминает того идиота-хирурга, который не брал женщин в аспирантуру.

Я усмехаюсь сам себе, растираю ладонями лицо. В груди — странное, щемящее чувство, похожее на тоску.

Поднимаюсь, смотрю в окно. За стёклами уже глубокая ночь.

Марьяна — там, в своём мире. И с ней всё хорошо. Я в это верю.

*

Том Грей

Вечер опускается на Академию тихо, почти незаметно. Я стою у окна в своей лаборатории, перебираю склянки с зельями — то, что ещё сохранило силу. С каждым днём их всё меньше. Магия уходит, но травы остаются травами, а зелья

— зельями. Пока ещё мы не остались совсем без защиты.

В дверь стучат.

— Входи, — отзываюсь рассеянно.

На пороге появляется запыхавшийся адепт военного факультета.

— Господин Грей, там... там Милорд Бэлмор! С женой! У ворот!

Я роняю склянку. Машинально пытаюсь подхватить её магией — пальцы сами складываются в привычный жест, — но заклинание гаснет, едва зародившись, и стекло со звоном разлетается по мраморному полу. Хорошо, что склянка была пустая.

— Что? Уже? Я же только вчера отправил весть...

— Они уже здесь, — адепт переминается с ноги на ногу.
— Только... с ними младенцы. Двое.

Я не жду объяснений. Срываюсь с места и бегу к воротам.

У главного входа уже собралась небольшая толпа — любопытные адепты, несколько магов-преподавателей. В центре — Дин. Огромный крылатый волк, усталый, но спокойный. На спине у него Элизабет — бледная, осунувшаяся, но счастливая. Она прижимает к себе малышей.

— Том! — Элизабет замечает меня, и в её глазах вспыхивает облегчение. — Наконец-то.

— Что случилось? — я подбегаю, разглядывая младенцев. Оба живые, здоровые, розовощёкие. Спят. — Вы же должны были быть здесь только через неделю! И откуда... почему

раньше срока?

— В лесу началось, — Элизабет говорит тихо, устало спускаясь со спины волка, — Дин еле успел приземлиться.

— Я нёс её на спине по воздуху, — добавляет Дин, обратившись человеком, — Думал, быстрее будет. А получилось...

— Роды, — заканчиваю я, — Прямо в лесу? Одни?

— Не одни, — Дин качает головой, — Там была девушка. Целительница. Назвалась Марой. Если бы не она, мы бы потеряли и Лизу, и малышей. Она приняла роды. В лесу. Без магии, без ничего. Просто руками.

Я смотрю на него, пытаюсь осмыслить. Девушка-целительница без магии. Идёт по своим делам. В ту же сторону. Хочу расспросить подробнее, но в этот момент один из младенцев просыпается и заходится оглушительным криком. Второй подхватывает. Лиза вздрагивает, пытается взять обоих, но сил явно не хватает.

— Том, — говорит она устало, — нам бы место, где можно отдохнуть. И тишину. Хотя бы на ночь. И я хочу увидеть сына! Где мой Роберт?

— Да-да, конечно, — спохватываюсь я, думая про себя, что Робертов у нас теперь целых два, — Сейчас всё органирую.

Пока Квазар разгоняет любопытных, я веду Бэлморов в лучшие покои в ректорском крыле. Просторная комната с отдельной ванной, огромная кровать. Лиза почти падает на

неё, прижимая к себе малышей. Дин садится рядом, гладит её по голове.

— Завтра поговорим, — говорит он, глядя на меня устало,
— Прости, Том. Сегодня мы не в силах.

— Понимаю, — киваю в ответ, — Отдыхайте. Завтра будет день.

Выхожу и закрываю за собой дверь.

Стою в коридоре, привалившись к стене. Мысли скачут. Дин здесь. Лиза с двойняшками. Какая-то Мара, целительница, принявшая роды в лесу. И Роберт, который даже не знает, что его брат уже в Академии.

Надо бы их познакомить. Но не сегодня. Сегодня пусть спят.

Я отдаю распоряжение встречному адепту — позвать сына Бэлморов к родителям. Роберт-младший должен знать, что они здесь.

А сам иду обратно в лазарет. Роб наверняка ещё там, готовит инструменты к завтрашнему дню. Надо ему сказать, что Дин приехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.